

БЕГСТВО МИРНЫХ ЖИТЕЛЕЙ РОССИИ ОТ НАШЕСТВИЯ ФРАНЦУЗОВ в 1812 г.

Стаття присвячена проблемі біженства в 1812 р. Зазначено, що, на відміну від Першої та Другої світових воєн, процеси насильницького переміщення величезних мас людей під час вторгнення Наполеона до Росії ще й досі не вивчені. Висвітлені причини міграції населення на схід країни з великоруських губерній та Москви влітку–восени 1812 р., ставлення місцевих жителів до прибулих, їх матеріально-побутове становище на новому місці проживання тощо. Особливу увагу приділено підрахунку загальної кількості тодішніх біженців та їх поверненню додому після остаточного розгрому супротивника.

Ключові слова: війна 1812 р., біженство, переселенська політика уряду, державна опіка, приватна благодійність.

Статья посвящена проблеме беженства в 1812 г. Отмечено, что, в отличие от Первой и Второй мировых войн, процессы насильственного перемещения огромных масс людей во время вторжения Наполеона в Россию до сих пор не изучены. Освещены причины миграции населения на восток страны из великорусских губерний и Москвы летом–осенью 1812 г., отношение местного населения к приезжим, их материально-бытовое положение на новом месте жительства и т.д. Особое внимание уделено подсчету общего количества тогдашних беженцев и их возвращению домой после окончательного разгрома противника.

Ключевые слова: война 1812 г., беженство, переселенческая политика правительства, государственная опека, частная благотворительность.

The article deals with Refugee in 1812. It is noted that, unlike the First and Second World Wars, the violent process of moving large numbers of people during Napoleon's invasion to Russia are still not understood. Examined the reasons of population migration to the east of the country from the Great provinces and Moscow in the summer and autumn of 1812, the attitude of locals to newcomers, their material living position at the new place of residence and so on. Particular attention is paid to counting the total number of refugees and then they return home after the final defeat of the enemy.

Keywords: War of 1812, Refugee status, resettlement policy of the government, state custody, a private charity.

К настоящему времени в России беженство как особый вид военной миграции населения в наибольшей степени изучено применительно к годам Великой Отечественной войны, повлекшей исход 17 млн советских людей¹.

С 1990-х гг. развернулось исследование беженцев эпохи Первой мировой войны (обычно именовавшейся современниками Второй отечественной), в т.ч. с достоверным определением масштабов беженства за 1914–1917 гг. в 5 млн чел.²

Практически неизвестной остается драма эвакуации до миллиона россиян в Отечественную войну 1812 г., являвшую собой составную часть общеевропейской борьбы с наполеоновской армией. Освещение этого беженства представлено лишь упоминаниями в общей литературе по указанной войне³ и специальных статьях по смежной проблематике⁴.

После вторжения 12 июня 1812 г. на российскую землю армия Наполеона быстро захватила Виленскую, Гродненскую, Минскую, Витебскую и Могилевскую губернии, выйдя на флангах к Балтике (г. Риге) и Волыни (г. Луцку). Нерусские уроженцы этих западных регионов остались жить в зоне оккупации, что объяснялось их лояльным отношением к неприятелю, а также отсутствием боев за населенные пункты, которые практически не пострадали от войны. Первой беженской волной стал небольшой слой русских выходцев из местных городов, включая «торговцев» и остальных «обывателей», которые стихийно выехали с «семьями и имуществом» на восток по причине «страха и ужаса» перед врагом. «Чиновники, находившиеся в штатской службе, им последовали, а некоторые и упредили». Официальная эвакуация государственных служащих с обязательным вывозом «казенного имущества» происходила по «повелению» и осуществлялась с запозданием, когда населенный пункт бывал уже почти покинут нашими войсками. Администрация часто «силой задерживала население и его имущество на местах жительства до момента занятия неприятелем города», что сокращало потенциал начальной эвакуации⁵.

Только с конца лета — начала осени 1812 г. беженство приняло массовый характер, охватив центральные губернии с коренным русским населением: главным образом — Смоленскую и Московскую, частично — Калужскую и др.

В полосе наступления французской армии, начиная с г. Смоленска (17–18 августа), многие населенные пункты стали ареной ожесточенных боев. Большинство беженцев, стихийно ушедших в тыловые губернии, составляли горожане. Вначале обезлюдел выгоревший Смоленск (в 1811 г. имел 12,4 тыс. чел.⁶), затем — уездный центр Дорогобуж, «Вязьма покинута жителями», «Гжатск совершенно пуст» и т.д.⁷

Самым массовым был исход населения Москвы, где накануне войны проживали 276 тыс. чел. Беженство москвичей, вызванное взятием Смоленска, усилилось после Бородинской битвы. В первое время власти, с одной стороны, сдерживали исход городских низов, а с другой — старались удалить население, считавшееся настроенным профранцузски: «Ростопчин, действуя страхом, в ы г н а л (!), — отметил очевидец, — из Москвы дворянство, купцов и разночинцев», которых подмосковные крестьяне называли «изменниками», отнимали у них в пути следования «экипажи и имущество». С середины августа из города ежедневно выезжали «тысячи» карет, бричек, подвод с беженцами. «После Бородина» там уже «царит паника», поскольку с 26–27 августа «уезжают все, кто только может», «забирая с собой что было можно из имущества», следуя

«куда Бог поведет». В результате к 30 августа «Москва опустела и в ней осталось не более 50 тысяч жителей». Эти остатки уходили на восток уже пешком, включая день сдачи столицы: в течение 2 сентября «толпы людей» слились в «плотную массу» беженцев. По сообщению Ф.В. Ростопчина, «когда Бонапарт взшел в Москву, в ней было всего 10 тысяч жителей», из которых «половина всякой сволочи, дожидавшейся как бы пограбить город»⁸.

Беженство продолжалось и в период оккупации из-за пожаров, убийств и грабежей, совершаемых вражеской солдатней, а также «московской чернью», русскими дезертирами и окрестными крестьянами⁹. Поэтому в Москве остались в итоге примерно 6 тыс. жителей¹⁰.

Осенью московский гражданский губернатор указал, что военными отрядами противника «выжжены и разграблены» уездные города Богородск, Бронницы, Верея, Волоколамск, Дмитров, Звенигород, Можайск, Подольск и Руза, а «жители оных, удалясь от лютой врага и скитаясь..., ищут пристанища». Лишь Клин, Коломна и Серпухов, а также Воскресенский и Сергиевский посады, «будучи охраняемы [российскими. — А.К.] воинами и ополчившимися поселянами, хотя избежали зол, подобных прочим; но жители [их. — А.К.], видя повсеместное опустошение и грабительство, удалялись...»¹¹.

Накануне сдачи Смоленска, позднее из Москвы и других городов власти организовали отъезд в тыл чиновников, священников, учащихся и т.п. В частности, состав Московского университета вывезли в Нижний Новгород, московская администрация во главе с Ф.В. Ростопчиным укрылась во Владимире. К подобной эвакуации готовили Петербург¹².

Наступление врага по Смоленскому тракту в направлении Москвы, полоса которого «по обеим сторонам дороги» имела до 40 верст, принесло бедствия и сельскому населению: «пожар разливался по сей широкой черте опустошения, и целые волости с остатком своего имущества бежали от сей всепожирающей лавы, куда — и сами не ведали»¹³.

Крестьяне Смоленской и Московской губерний, забрав скот и ценные вещи, оставляли селения и обычно укрывались от вражеских войск в ближайших «лесах», иногда обороняясь «против являвшихся в их округу [вражеских. — А.К.] фуражиров»¹⁴. Собственно беженцев дала придорожная местность, где в результате боевых столкновений войск появились «пустые сожженные селения», уроженцы которых «удалились в другие губернии за неимением пристанища по сожжению и разорении их селений...»¹⁵. Жители уцелевших деревень, «не успевшие уйти с пути неприятеля», подверглись «жестокостям и грабежам» оккупантов, вследствие чего, «оставя свои дома», постепенно тоже «разбредаются»¹⁶.

Охваченные войной территории центра страны покинули также помещики с членами семейств, ценным имуществом, личной прислугой, спасаясь не столько от вторжения неприятеля, сколько от собственных крепостных, которые нередко убивали дворян, грабили их имения, сжигали усадьбы и т.д.¹⁷

Разоряли крестьян и русские воины. В августе гражданские власти констатировали, что «солдаты уже не составляют армию. Это орда разбойников и

они грабят на глазах своего начальства». Особенно «казаки много делают грабежей» поместий, где затем французам «поживиться было уже нечем». Оставляемая местность «разорена совершенно»¹⁸.

В период отступления по Смоленщине российской армии там «все покидали свои дома, стар и млад, чиновник, помещик и крестьянин, повсюду тянулись обозы с насоро захваченным скарбом». Гражданское население «все попряталось и разбежалось, даже смоленский губернатор скрылся неизвестно куда». «Гжатский уезд был совершенно пуст», «Пореченский уезд также страдал отсутствием крестьян и чиновников» и т.п.¹⁹

Из Московской губернии сообщалось, что «за время движения армии от Бородина к Москве было заметно значительное учащение дезертирства и мародерства». Поэтому «жители здешней губернии от страха быть ограбленными от неприятеля или же своих войск, более нежели на 50 верст в окрестностях Москвы, оставили свои селения, разбежались»²⁰.

Кроме стихийного беженства и официальной эвакуации людей, власти принудительно выслали с театра войны в «дальние города» немало российских «жидов», иностранцев — «французов» и др. лиц, подозреваемых в «шпионстве»²¹.

В итоге французская армия, захватив центр России, увидела там «пустыню»²².

После перемещения с начала сентября военных действий в южном направлении беженство охватило часть Калужской губернии, вплоть до официальной эвакуации гражданского населения из Калуги²³.

Подобная участь ожидала г. Тулу, откуда 15 сентября писали, что «народ здесь в великом смятении и страхе. Церковные сокровища и украшение все вывезены, также купцы из гостиного двора... Об оружейном заводе есть повеление, чтобы мастеровые до тех пор работали... А когда будет опасность, тогда мастеров вывести в Сибирь, а завод предать огню»²⁴. Одновременно тульский губернатор «закрыл присутственные места и остановил производство дел», но без «предписания начальства», за что получил 15 октября «замечание» от Комитета Министров²⁵.

В соседней Рязанской губернии военные перемещения гражданского населения начались летом с выселения евреев в «отдаленные российские губернии», смягченное правом «оставить единственно тех, которые с давнего времени, проживая тихо и спокойно на одном месте, не навлекают на себя никаких подозрений»²⁶.

Осенью происходило массовое поступление беженцев из оккупированных территорий, а также их транзитное движение на восток. После сдачи Москвы «всеобщая паника», царившая среди прибывающих оттуда людей, «передалась населению» смежных с Подмосковьем районов Рязанщины». Так, в Зарайском уезде «многие помещики бежали из своих вотчин, а в самом городе Зарайске не осталось и трети жителей», что объяснялось не только потенциальной опасностью наполеоновского вторжения, но и реальным грабежом с жестоким насилием со стороны русских солдат, «особенно мародерствовали в 1812 г. казаки».

В середине сентября, «когда неприятель в каждый момент мог появиться под стенами Рязани», из последней «все казенное имущество было подготовлено к отправлению вниз по Оке...», а некоторые иногородние учреждения переправили в более безопасные места, например, «Московское военно-сиротское заведение» — в Тамбов. Когда напряженность спала, Рязань приняла «Калужскую губернскую гимназию с уездным при ней училищем» и т.д.²⁷

Письма беженки-дворянки гласят, что уже к 17 сентября «Тамбов битком набит. Каждый день прибывают новые лица» из Москвы, Калуги, Рязани и других городов, все они «грустные и убитые». Спустя три недели настроение их улучшилось: «Прибыв сюда с разбитым сердцем и с душевным горем..., мы благодарны тамбовцам за их ласковые к нам поступки. Все наперебой стараются оказать нам услуги и нам остается лишь благодарить этих добрых соотечественников»²⁸.

Для призрения беженцев в тыловых губерниях были образованы «Комиссии о людях, выходящих из мест, занятых неприятелем», которые действовали под руководством губернаторов, а правительство открыло «кредит» до 10 тыс. рублей каждому такому учреждению. Рязанская комиссия начала работать 12 октября 1812 г., ее суммарные расходы на нужды беженцев составили за несколько месяцев 8 тыс. руб., последние средства были выбраны 30 июня 1813 г. В обязанности комиссий входило оказание помощи «скитальцам»: «размещать их по городам и селениям», где «употреблять все средства для поддержания их»²⁹.

Большинство прибывших в Рязанскую губернию расселились в городах, в т.ч. с выплатой эвакуированным (из Москвы, Смоленска и т.п.) чиновникам полагающегося им «жалованья». Воспитанников и преподавателей «Московской губернской гимназии» устроили в здании аналогичного учебного заведения Рязани. Крестьян «размещали по казенным селениям и определяли им денежное вспоможение». Местные монастыри приняли «престарелых, немощных и малолетних». Рязанский дом призрения, заполненный беженцами, опекало «Патриотическое дамское общество для помощи разоренным от неприятеля», собиравшее также «деньги и вещи» особо нуждающимся³⁰.

Отметим усилия и Тверской комиссии, к которой «большой частью казенные крестьяне уездов, смежных с Тверской губернией, не имеющие ни одежды, ни обуви, ежедневно являясь в значущем количестве, просят о пособии...»³¹.

Дополнительную помощь из благотворительных средств с ноября 1812 г. оказывал из Петербурга новый общественный орган «Сословие призрения разоренным от неприятеля», действующий посредством своих региональных представителей³².

Многими осуществлялась частная благотворительность. Так, курский помещик, помогая беженцам, «давал одним — деньги, другим — одеяние, а некоторым пристанище»³³.

Возврат людей в родные места происходил постепенно. В частности, с Рязанщины уже в декабре 1812 г. отправили продолжать прежнюю службу эвакуированное чиновничество. Завершился процесс реэвакуации летом 1813 г., о чем указывает закрытие Рязанской комиссии по призрению беженцев³⁴.

В феврале 1813 г. население Москвы достигло 100 тыс. чел., а весной его состав превзошел довоенный — 300 тыс.³⁵

В более западные смоленские земли, по свидетельству губернского предводителя дворянства, лишь «в мае 1813 г. начали обыватели из рассеяния собираться... на место пепелищ прежних жилищ своих и некоторое время жили на открытом воздухе, питаюсь грибами и хлебом» из «пайков», отпущенных государством³⁶.

В общем итоге исход мирного населения из районов оккупации врага в 1812 г. с временным проживанием в тыловых территориях и послевоенной реэвакуацией представлял собой яркое проявление демографических последствий наполеоновского нашествия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

¹ По сведениям Г.А. Куманева, см.: *Араловец Н.А.* Людские потери во Второй мировой войне // *Отечественная история*. — 1996. — № 3. — С. 196.

² См., например: *Курицев А.Н.* Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917) // *Вопросы истории*. — 1999. — № 8. — С. 98–113.

³ См., например: *Троицкий Н.А.* 1812: Великий год России. — М., 1988. — 348 с.

⁴ См., например: *Тартаковский А.Г.* Население Москвы в период французской оккупации 1812 г. // *Исторические записки*. — Т. 92. — М., 1973. — С. 356–379.

⁵ См.: *Отечественная война и русское общество*. — М., 1912. — Т. III. — С. 142–147, 168–172; — Т. IV. — С. 121–124.

⁶ *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1913): Статистические очерки. — М., 1956. — С. 90.

⁷ *Отечественная война...* — Т. III. — С. 190–194.

⁸ См.: Там же. — Т. IV. — С. 57–60, 67, 69, 71, 78, 87–88.

⁹ См.: Там же. — С. 70–72, 111–112, 117–120, 142–143, 229.

¹⁰ *Тартаковский А.Г.* Указ. соч. — С. 368.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ РИ). Собр. 1. — Т. 32. — СПб., 1830. — № 25314. — С. 504.

¹² См.: *Отечественная война...* — Т. IV. — С. 57–58, 77, 87, 89, 149, 157, 159; — Т. V. С. 5–6; *История Московского университета*. — Т. 1. М., 1955. — С. 88–91.

¹³ *Давыдов Д.В.* Дневник партизанских действий // *Практикум по истории СССР: XIX век*. — М., 1970. — С. 101.

¹⁴ См.: ПСЗ РИ. Собр. 1. — Т. 32. — № 25257. — С. 450–451; *Отечественная война...* — Т. IV. — С. 137, 228–229, 231–232.

¹⁵ ПСЗ РИ. Собр. 1. — Т. 32. № 25288. — С. 478, 481.

¹⁶ *Отечественная война...* — Т. IV. — С. 135, 137.

¹⁷ См.: ПСЗ РИ. Собр. 1. — Т. 32. — № 25288, — С. 477; *Отечественная война...* — Т. IV. — С. 229, 231; — Т. V. — С. 88–89, 91–96.

¹⁸ *Отечественная война...* — Т. IV. — С. 106–107.

¹⁹ Там же. — С. 228.

²⁰ Там же. — С. 107, 228.

²¹ См.: Там же. — Т. IV. — С. 47–56; Т. V. — С. 7–8; *Проходцов И.И.* Рязанская губерния в 1812 г., преимущественно с бытовой стороны: Материалы для истории Отечественной войны. Рязань, 1913. — Ч. 1. — С. 237–254, 256.

²² Цит. по: *Троицкий Н.А.* Указ. соч. — С. 99.

²³ См.: ПСЗ РИ. Собр. 1. — Т. 32. — № 25288. С. 476–481.

²⁴ *Гладков Н.Н.* О фамильных документах, относящихся к 1812 г. // Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. — Вып. II. Курск, 1915. — С. 51.

²⁵ Отечественная война... — Т. V. — С. 6.

²⁶ *Проходцов И.И.* Указ. соч. — Ч. 1. — С. 256.

²⁷ См.: Там же. Ч. 1. — С. 629; Ч. 2. — С. 2–5, 291–294.

²⁸ Цит. по: Тамбовская губерния в 1812–1813 гг. (Рефераты и статьи членов Тамбовской ученой архивной комиссии с приложением документов). — Тамбов, 1915. — С. 5–6.

²⁹ *Проходцов И.И.* Указ. соч. — Ч. 2. — С. 303, 306, 312–313.

³⁰ Там же. — С. 293–294, 298–301, 303, 309, 313–316.

³¹ Журналы Комитета министров: Царствование Александра I. 1802–1825 гг. — Т. II: (1810–1812 гг.). — СПб., 1891. — С. 651.

³² См.: *Соколов А.Р.* «Сословие призрения разоренных от неприятеля» // Военно-исторический журнал. — 2004. — № 4. — С. 55–61.

³³ *Танков А.А.* Патриотическая деятельность Курского духовенства во время Отечественной войны 1812–1814 гг. // Курские епархиальные ведомости. — 1912. — Ч. неофиц. № 51/52 (23–30 дек.). — С. 533.

³⁴ *Проходцов И.И.* Указ. соч. — Ч. 1. — С. 299–300, 312–313.

³⁵ *Тартаковский А.Г.* Указ. соч. — С. 377.

³⁶ Цит. по: Отечественная война и русское общество. — М., 1912. — Т. V. — С. 107.

Стаття надійшла до редколегії 26.11.2012.